

Глава 1. Пролог. Закат Киноимператора

— Снято! — весело скомандовал режиссёр. — Фэнъин, потрясающе, опять с первого дубля! Не зря тебя признали лучшим актёром года. Настоящий Киноимператор!

Окружающие отреагировали по-разному. На лицах коллег-актёров промелькнула зависть вперемешку с восхищением, но все послушно заулыбались — кто-то с почтением, кто-то с облегчением.

Чэнь Фэнъин лишь усмехнулся. На его красивом, благородно-бледном лице отразилась смесь лёгкой досады и гордости.

— Да ладно вам, режиссёр Лю. Мы ведь столько лет вместе работаем, я просто выучил все ваши приёмы. Смени я площадку — и пиши пропало, — скромно отозвался он.

Рассыпать дежурные комплименты умеют все, и никого не волнует, что эти же слова он говорит каждому первому режиссёру.

Лю-мучитель, разумеется, растаял от лести, довольно хмыкнул и отправил Фэнъина в гримёрку поправлять макияж. В прохладной тишине мастер аккуратно подклеивал накладные бакенбарды к его вискам.

— Брат Чэнь, ну до чего же у тебя лицо породистое! Словно специально для исторических драм создано. Ты только посмотри на эти брови вразлёт — с бакенбардами вообще глаз не оторвать. Не зря говорят, что ты все сцены в костюмах с первого дубля сдаёшь. Может, ты в прошлой жизни и правда древним воином был?

— Обижаешь. В прошлой жизни я был благородным господином из великого клана, просто переродился, сохранив память, — отшутился Фэнъин, изящным движением изобразив взмах веера.

Он был высоким, статным, с тонкими, но чисто мужскими чертами лица — ни капли слащавости, только врождённый аристократизм. Стоявшая рядом молоденькая ассистентка аж рот приоткрыла от восхищения.

— Ага, а я тогда — твой верный слуга-оруженосец. Барин, соизвольте поторопиться, режиссёр уже с ног сбился, — в гримёрку размашистым шагом вошла Мэн Цзяоцзяо.

Имя «Цзяоцзяо» означало нежность и хрупкость, но характер у женщины был железный — мужики позавидуют. Она числилась золотым агентом агентства и вела Чэнь Фэнъина со дня, когда тот решил уйти в большое кино. Он безмерно ценил её: именно она вытащила его со дна в самые тяжёлые первые годы карьеры.

— Лю-мучитель вечно гонит коней, — проворчал гримёр, быстро припудривая лоб актёра. — У брата Чэня все сцены отскакивают от зубов, мог бы дать человеку передохнуть. Эх, как подумаю, что через полчаса придётся всю эту красоту уродовать «шрамами», аж руки опускаются. Сестра Цзяо, может, сама его изувечишь? У меня пальцы не поднимаются.

До того как переквалифицироваться в агенты, Мэн Цзяоцзяо работала ведущим гримёром. Сменить профессию её вынудил невыносимый характер капризных кинозвёзд. В те времена, когда Фэнъин ещё только пробивал себе дорогу к славе, красила его исключительно она.

В этой картине Чэнь Фэнъину досталась роль главного антагониста, а не героя. Его агент согласилась на этот рискованный шаг только ради смены амплуа и потому, что режиссёр Лю славился фильмами, собиравшими и кассу, и восторги критиков. До этого новоиспечённый Киноимператор играл сплошь благородных вождей, изысканных господ, странствующих рыцарей или честных судей. Злодея он примерил впервые. И только Цзяоцзяо знала, сколько бессонных ночей её подопечный провёл, вживаясь в этот образ.

— Сестра Цзяо, сделай одолжение, — тихо попросил Фэнъин, умоляюще сложив ладони. — Он обещал приехать на площадку. Не надо ему видеть, как меня будут «уродовать». Испугается ещё, потом замучаюсь успокаивать.

Он имел в виду своего Крольчонка, Лу Кэ.

Мэн Цзяоцзяо закатила глаза, глядя на этот детский лепет взрослого тридцатилетнего мужика, но всё же смирилась и вышла, чтобы перехватить гостя на входе.

Окончательно загримированный Фэнъин вернулся на съёмочную площадку. Тяжёлые крестьянские вилы — тот самый реквизит, который по сценарию должен был располосовать лицо его персонажу, — уже закрепили на телеге. Он подошёл, осторожно потрогал затупленные зубья и повернулся к парню из команды реквизиторов:

— Дружище, ты уж там полегче со мной, ладно?

Реквизиторы обычно были народом простым и добродушным. Парень лишь широко улыбнулся в ответ, но Фэнъин по опыту знал: за этой простоватой улыбкой порой скрывается недюжинное коварство.

Главную роль в фильме исполнял совсем зелёный новичок — смазливый паренёк, которого активно продвигало агентство. Судя по звёздному режиссёрскому составу и мощному сценарию, ставку на него делали огромную. Чего стоило одно то, что подыгрывать дебютанту на вторых ролях наняли целого Киноимператора!

В предстоящей сцене герой должен был перерубить мечом упряжь крестьянской телеги. Бык пугается, несётся вперёд, сбивает злодея с ног, и тот, падая, напарывается лицом на ржавые вилы, прикрученные к борту. Изуродованное лицо становится причиной слепой, яростной ненависти антагониста к выскочке.

Фэнъину этот сценарный ход казался забавным — классический уязвлённый нарциссизм. Князь-злодей, ослеплённый гордыней, недооценивает безродного юнца. Он начинает строить козни, но раз за разом терпит крах из-за нелепой случайности. В конце концов, когда мелкий пакостник ломает его великий заговор, князь теряет рассудок от ярости, совершает роковую ошибку и гибнет от рук героя, его соратников и даже бывших союзников. Роль была колоритной: его персонаж, могущественный принц крови, обладал властной аурой и доминировал в каждом кадре, где появлялся.

Настоящего испуганного быка сняли заранее — его добавят при монтаже. Сейчас вилы тянули вручную на невидимых тросах. В момент, когда острия окажутся в опасной близости от лица актёра, режиссёр должен скомандовать «стоп», после чего Фэнъина перегримировуют для сцены с ранением.

— Мотор!

Главный герой взмыл в воздух, с картинным взмахом меча перерубая верёвки. Фэнъин увернулся, эффектно рухнул на землю. Тяжёлые вилы набрали ход, стремительно приближаясь к его лицу. Режиссёр занёс руку, готовый оборвать сцену.

— Стоп!

Однако вилы не остановились. С нарастающим свистом ржавые железные зубья пронеслись дальше, вскользя полоснув Чэнь Фэнъина по лицу.

Хриплый крик боли разорвал тишину площадки.

Боль была дикой, обжигающей — от подбородка до самого внешнего угла глаза. Поскольку планировался крупный план ранения, ржавчина и острота штырей были самыми настоящими.

— Площадка! ЧП! Быстро врача, вызывайте скорую! Где аптечка?!

— Живее! Помощники, мать вашу, вы оглохли?!

— Держите реквизитора!

— Телефоны убрать! Прессу близко не подпускать! Никаких утечек!

Съёмочную площадку мгновенно захлестнул хаос. Режиссёр истошно орал на персонал, его помощники и продюсеры судорожно хватали рации. Молодой исполнитель главной роли стоял поодаль, вжав голову в плечи, бледный как полотно.

Фэнъин поднялся на ноги сам, зажимая лицо ладонью. Сквозь пальцы толчками текла горячая кровь. Подбежавший ассистент, заикаясь от ужаса, попытался рассмотреть рану. Перед правым глазом Чэнь Фэнъина колыхалась плотная багровая пелена.

— Брат Чэнь, дело дрянь... Порез слишком глубокий и длинный, — парень, работавший с ним не первый год, побледнел и задрожал от страха, видя, как хлещет кровь. — В больницу. Срочно в больницу!

— Брат Чэнь... я... я не хотел... это не я... — пролепетал подбежавший перепуганный дебютант, заламывая руки.

— Парень, успокойся. Твоей вины тут нет, — сквозь зубы процедил Фэнъин, с трудом сдерживая стон. — Ладно, я поехал. Сяо Сун, найди лёд. Хотя нет, сначала промой рану антисептиком. Чёрт его знает, какая зараза сидела на этих ржавых вилах.

От дикой боли у него темнело в глазах. Для любого актёра лицо — это рабочий инструмент, главный капитал. Но сейчас, балансируя на грани обморока, Фэнъин думал о другом: репутация важнее. Начав карьеру в пятнадцать лет с копеечных шоу талантов, он за двадцать лет в шоу-бизнесе зубами выгрыз себе имя. Он слишком хорошо знал, как легко жёлтая пресса может растоптать оступившуюся или расклеившуюся звезду. Нельзя показывать слабость.

Мэн Цзяоцзяо примчалась на площадку быстрее ветра. Увидев залитого кровью Фэнъина, которого вели под руки к дежурной машине, она едва не лишилась чувств. Запрыгнув следом за ним в салон, она дико зыркнула на водителя и заорала:

— Жми в ближайшую клинику! Если хоть раз сбросишь скорость, я тебе башку откручу!

— Сестра Цзяо, потише... Веди себя как леди, — прохрипел Фэнъин, откидывая голову на спинку сиденья. Кровь уже пропитала парик и теперь тёмным пятном расплзалась по кожаной обивке салона. — А то замуж никто не возьмёт.

— Ты в своём уме?! — взорвалась Цзяоцзяо, но голос её сорвался. Глядя на его изуродованное, залитое багровой жижей лицо, железная леди разрыдалась. — Если у тебя останется шрам, я разорчу контракт! Понял?! За мной и так толпы молодых талантов бегают, на хрен ты мне сдался, калека!

— Меня явно заказали, — почти беззвучно произнёс Фэнъин, прикрывая глаза. — Если я сейчас не буду шутить, то потом, боюсь, уже повода не представится.

За два десятилетия в этом серпентарии он научился безошибочно отличать несчастный случай от злого умысла. На репетициях механизм натяжения тросов работал безупречно, вилы должны были затормозить за метр до его лица — нужную скорость планировали добрать на монтаже. Но в ключевой момент тележка не просто не замедлилась, она рванула вперёд с неестественным ускорением. Тот, кто управлял лебёдкой, точно знал, что делает. Если бы Фэнъин не списал это на злой умысел, он был бы круглым дураком. А дураки в этом бизнесе не выживают.

Цзяоцзяо сжала кулаки от бессильной ярости. Даже понимая, что их подставили, сейчас они не могли нанести ответный удар. Сначала нужно было спасти его лицо.

— И ещё... Крольчонку ни слова, — добавил Фэнъин. При мысли о своём домашнем Лу Кэ сердце сжалось от нежности. Узнай мелкий о случившемся, изрыдался бы весь.

— Можешь не переживать. Твой ненаглядный улетел на съёмки в Гуандун, — буркнула Цзяоцзяо, с жалостью и раздражением глядя на этого влюблённого идиота.

— Хех... Неужели мстит за то, что я всю неделю дома не ночевал? — Фэнъин вспомнил утренний звонок от своего партнёра. Похоже, этот ласковый зверёк тоже умеет показывать коготки. — Ладно, сестра Цзяо, я со всем разберусь. Не волнуйся.

Каждое слово отдавалось в скуле стреляющей мукой. С трудом договорив, Фэнъин закрыл глаза и провалился в тяжёлое полузабытьё под непрекращающиеся крики Цзяоцзяо, требовавшей от водителя гнать быстрее.

Скрыть появление в приёмном покое человека в окровавленном древнекитайском халате было невозможно, несмотря на все усилия. Впрочем, врачи и медсёстры не сразу признали в пострадавшем знаменитость — лицо Чэнь Фэнъина превратилось в сплошное месиво. Лишь когда рану промыли и очистили от грязи, дежурный хирург хмуро осмотрел рваные края лопнувшей кожи и вынес вердикт:

— Шрам останется. Тут без вариантов.

— Слушай, Цзяо, — Фэнъин попытался слабо улыбнуться неповреждённой стороной рта, хотя внутри всё заледенело от ужаса. — А если я набью на щеке татуировку? Дикую розу, увитую терновником. Как думаешь, меня после этого будут охотнее брать на роли злодеев?

— Будут, будут, — шмыгнула носом Цзяоцзяо, с трудом сдерживая новые слёзы при виде обнажившихся мышц на его щеке. Ей оставалось только подыгрывать его напускной браваде. — Лично выбью тебе контракт на всех негодяев страны.

Стоявшие рядом медсёстры уже узнали уцелевшую половину лица знаменитого актёра. Слушая его тихий, спокойный голос, они едва сдерживали жалость.

— Ш-ш-ш... Доктор, полегче, ради бога. Не нервничайте так, — прошипел Фэнъин, когда хирург начал пинцетом расправлять рваные лоскуты кожи, готовя рану к обработке.

— Швы накладывать будем? — доктор коротко усмехнулся, оценив выдержку пациента.

Фэнъин приподнял бровь. Чтобы избежать лишней нагрузки на нервную систему и мозг, он наотрез отказался от местной анестезии. От каждого прикосновения к лицу голова шла кругом, сознание тонуло в тумане.

— Не надо. Стянете нитками — кожа пойдёт буграми. Пусть лучше затягивается само, так ровнее ляжет.

— Скажи честно, что просто трусил перед иглой! — сквозь слёзы фыркнула Цзяоцзяо. — Доктор, не слушайте этого упряма, зашивайте.

— Пощади, сестра Цзяо, я же не перенесу этой пытки, — Фэнъин умоляюще уставился на неё единственным чистым глазом.

— В данном случае я соглашусь с пациентом, — вмешался хирург из-под маски, продолжая точными движениями обрабатывать края раны. Две медсестры послушно держали операционные лампы и лотки. — Разрез в верхней части очень глубокий, но проходит слишком близко к внешнему углу глаза. Если стянуть швами неаккуратно, веко деформируется, и глаз перекосит.

— Слышала? Глаз перекосит. Буду уродцем, Цзяо, — прошепелявил Фэнъин, то и дело шумно втягивая воздух сквозь сжатые зубы от вспышек боли.

— Да на тебе и так уже живого места нет! О какой красоте ты вообще лопочешь?! — в сердцах отрезала Цзяоцзяо.

Впрочем, она понимала: аккуратный шрам на щеке для мужчины-актёра куда лучше, чем искажённая мимика и кривой глаз. В итоге она сдалась и позволила врачам ограничиться консервативной обработкой раны.